

The background of the entire cover is an abstract composition of vibrant green light trails. These trails are curved and flowing, creating a sense of dynamic movement and energy. They vary in thickness and brightness, with some appearing as sharp lines and others as softer, glowing bands. Small, bright green dots are scattered throughout the composition, resembling stars or data points. The overall color palette is a range of greens, from deep forest green to bright, almost white-green highlights.

Виктор Скворец-Ланг

Новая атлантида

18+

Виктор Скворец-Ланг

Новая атлантида

«Автор»

2026

Скворец-Ланг В.

Новая атлантида / В. Скворец-Ланг — «Автор», 2026

Неопределённое будущее. После ядерной войны люди разделились. Военные, и Оливер Штрауссман не является исключением, остались в Дюссельдорфе вместе со стариками, инвалидами и теми, кто не успел вовремя эвакуироваться; Джессика Браун стала же такой же жительницей небесного городе-государства "Новая Атлантида", как и остальные. Такой порядок вещей сохраняется до тех пор, пока не появляется выживший священник, несущий такие проповеди, после которых по обеим оплотам человечества прокатывается волна безумия.

© Скворец-Ланг В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
1	6
2	8
3	10
Глава 2	11
1	11
2	13
3	15
Глава 3	17
1	17
2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Виктор Скворец-Ланг

Новая атлантида

Глава

"Любое стремление, даже стремление к нирване, в свою очередь становится капканом, если от него нельзя отступить." - Эмиль Чоран. Злой Демиург.

Глава 1

1

Сзади- какая-никакая жизнь. Впереди- только сплошная пустошь. Пыль несётся на восток; его рисунок невольно навевал мысли об океане.

Всё то, что попадает под понятие "видимое", на расстоянии нескольких футов(каких-то нескольких жалких футов!) заслоняет плотная белая завеса. Как бы сильно- и сколько бы минут не растрачивая- Оливер не шурился, каждый раз он опускал руки. Идеально чистый прицел снайперской винтовки; тонкий, как волос, но яркий лазер- даже всё это не оказалось способным сразить наповал наглый туман.

- Ты видишь что-нибудь?- спросил Оливер Штрауссман.

Луис Циммерман же молча повернулся к нему. Сквозь стекла противогаза просачивался один единственный вопрос: "Ты шутить?".

- Как думаешь- спустя время спрашивает он- там есть жизнь?

Есть ли там вообще хоть что-то абстрактное? Что-то, что можно вполне спокойно и внятно объяснить? И если да, то что из себя представляет этот секрет? Пустоту? Банда Перекасти-полей? Как же хочется получить ответы на эти вопросы. И будет всё равно, волнуют ли они по настоящему(тогда, сейчас, и в скором времени), или всё в точности да наоборот.

- Я не знаю- бросил Оливер.

- Лично я уверен, что всё-таки остались люди- проворковал Луис- Не несколько миллиардов, конечно. Но, хотя бы, несколько миллионов, если не сотен тысяч.

- Десяток?

- В любом случае, думаю выжили. И так же, как и мы сейчас, приспосабливаются к столь нелёгким условиям.

Как же мягко сказано, подумал Оливер. Вместо этой фразы проронил другую:

- И как же ты отвечаешь себе на вопрос, почему нет связи с этими выжившими?

- Рано или поздно свяжемся- отмахнулся Луис- нужно всего лишь подождать.

Какой же он интересный сукин сын. Даже спустя эти десять месяцев глухого молчания- если, конечно, не брать в расчёт помехи- сохраняет веру в лучшее.

- Хорошо. Допустим, вот мы встретим выживших. Дальше что?

- Соберёмся все здесь и будем восстанавливать человеческую цивилизацию.

- Некоторые люди вообще находятся за несколько тысяч километров отсюда. На других краях света, континентах, отдалённых островах. Либо путь сюда вызовут у них дикие трудности, либо так и вовсе не представляется возможным. В этом случае, как, по твоему, быть?

- Ну...- Луис почесал затылок и выдал- будем делать всё возможное, чтобы облегчить их путешествие. У "Новой Атлантиды" же есть воздушный транспорт, не так ли? Их и подключим.

- Но то лишь твои догадки, оторванные от реальности. Хватит ли у них бензина, чтобы, например, прилететь в Анды и обратно?

- Насчёт Анд я, конечно, с тобой соглашусь...- признал своё поражение Луис, но тут же добавил оговорку- Но так ведь не скажешь в случае, если исходной точкой будет какой-нибудь берег Дарданелл.

Я очень сильно поражён, хотел было сказать Оливер, но промолчал. Поражён тем, как ты ищешь обходные пути даже в безысходной ситуации. Откуда ты черпаешь энергию на сопротивление? Какое чувство не даёт тебе наконец-то принять, что судьба человечества уже как давно predetermined?

У самого Оливера, казалось, это чаша Грааля была. Находится в тепле, скучает. Самое главное, находится в "Новой Атлантиде". Однако, то ли сила послевкусия недостаточна, то ли расстояние между Оливером и Джессикой слишком велико- в любом случае, не чувствует он того же тепла. Сколько бы раз она не писала в письмах "Я скучаю по тебе", "мне тебя не хватает" и прочих подобных фраз, не было никакого желания провозглашать её смыслом своей жизни посреди мёртвого города. Среди мёртвой цивилизации.

"Сгнили мы все к чертям- бесконечно провозглашали старики- ушли от Господа и сгнили". С ними можно согласиться, но лишь с одной единственной оговоркой. Всё люди были гнилыми изначально, с самого рождения. Ещё тогда люди находили причины, следуя которым убивали друг друга- во имя богов, во имя царей, во славу империи. Появление в свет и применение ядерного оружия лишь развили в них эту дикость. Развили скорость уничтожения другой нации; других людей. Даже сейчас, когда человечество оказалось почти полностью стёртым с лица земли, её немногочисленные остатки продолжают пожирать друг друга. За ресурсы; за клочок земли, не съеденной радиацией.

Остатки России всё так же ненавидит европейские страны; европейские страны отвечают взаимностью.

И это было лишь одним из её(человечества) грехов. Несмотря на катастрофу люди продолжают изменять своим возлюбленным; загрязнять всю атмосферу вокруг... Пережитых пороков- не зря некоторые призывают забыть о них ввиду того, что разрозненным "группам" труднее выжить, если вообще возможно- так много, что сосчитать их практически невозможно! Сколько понадобится времени, чтобы наконец их отбросить и восстановить руины, бесконечно вопрошал Оливер.

Ответ не приходил.

Сзади раздались голоса. Оливер и Луис закинули винтовки за спину, тяжело опустились на землю, пожали руки пересмешникам, обменялись пустыми словами про обстановку, и на этой ноте разошлись в свои стороны.

В какой-то момент им путь преградила фигура. Эдвард, как положено, всё доложил унтер-офицеру, тот всё принял и дал ему отбой.

- У меня для тебя весть- бросил он Оливеру и спустя время продолжил- твоё заявление об отдыхе принято.

- И что дальше?

- Завтра утром ты должен явиться в канцелярию. Получаешь отпускной билет и сразу же, без малейших промедлений, садишься на вертолёт. До этого момента у меня для тебя нет никаких приказов.

- Рад слышать- сказал Оливер- я могу вернуться в свою комнату и собрать свои вещи?

- Можешь. Иди.

Оливер отдал честь, и стал догонять Эдварда. Унтер-офицер глянул на него вслед, затем линзы противогАЗа обратились к руинам Дюссельдорфа. Мёртвые дома как раньше стояли, так и сейчас остаются на своих местах. Ветер всё продолжал разносить частицы радиации- семена смерти- по всей планете.

2

После сопровождаемого режущим слух шипением душа первым, что услышал Оливер, были недовольный гул. Источником людского гнева был Луис, Эдвард и окружавшие со всех сторон красавицы. Одетые только в вызывающие наряды; иногда сосущиеся то с первым, то со вторым; курящие из длинных палочек. При их виде те, для кого слово "семейные ценности" обозначали далеко не пустой звук- а таких меньшинство- рычали на них, закрывали глаза своим детям и мужьям(хотя, по большей части, и они становились жертвами агрессии. Справедливой или же напротив, для Оливера не имело никакого значения). Охранники(по своей сути, его товарищи по оружию) оставались держать нейтралитет в этом отношении, а если и вмешивались, то только в том случае, если любой негодующий направлялся к компании с любым предметом, выглядящим -или косвенно, или явно- как оружие. Приказывали убрать его туда же, откуда его и достали, тот, фыркая и недовольно поглядывая на них, но всё-таки подчинялся и подобный конфликт заканчивался, толком не начавшись. В какой-то момент агрессия оказалась направленной и на самого Оливера. Поначалу по причине его бездействия, однако Оливер оказался настолько глубоко погружён в свои размышления, что начал всячески изобходить, протискиваться меж ними.

- Извините, прошу прощения- бесконечно бросал он.

Однако, это не помогало. Агрессия всё преумножалась; нарастала с непозволительной скоростью. Охранники, до сего момента, по большей части, скучающие у входа, своими телами образовывали ту берлинскую стену, которую никто не решался пересечь. Не из-за страха, а по причине доверия к ним. К тем, что перед Армагеддоном их, неудавшихся жителей "Новой Атлантиды", успели привести хотя бы сюда. Поэтому травля ограничивалась лишь оскорбительными выкриками. Взгляд Оливера не охватывал не единого солдата, не единого жителя. Полубессознательные от выпивки или какого-нибудь, например, порошка; занимающийся любовью с представителями одинакового пола, либо же с несколькими сразу; те, кто уже самовольно покинул этот мир или кто только рассматривает такую возможность- силуэты этих, и прочих подобных им, господ всё также терялись из виду. Лишь дверной проём своего гнёздышка вечно маячил(вертелся; то падал то вновь вставал) перед глазами.\

Наконец Оливер закрывает дверь за собой. Выкрики постепенно начали стихать, пока их полностью не заменил белый шум. Однако, не сказать, что и до этого момента они сильно беспокоили молодого человека. Всё его естество упало на матрас; тот лишь недовольно скрипнуло и не более. Один мимолётный взгляд- на календарь, а если быть точнее, то лист с надписью(стилизованный под написанный рукой латынь). Месяц; конкретное число; год- на рассмотрение всего этого не хватало никакой энергии. Одно можно сказать точно- с момента начала и моментального окончания войны прошло не более шести месяцев.

Другой взгляд- на часы, циферблат которого показывал половину девятого. Сон всё не приходил; взяться за Гёте или Кинга, скучающих на полке, желания также не возникало; про соблазн погладить собственный член и говорить нечего. Оставалось всё также размышлять.

Жители "Новой Атлантиды" наверняка чувствуют себя морально лучше, нежели здесь, в катакомбе. Всё у них есть для жизни- для той, при которой можно смело смотреть в глаза будущему. Однако, какая реакция будет, если в какой то момент, по какой-то причине, одна из левитирующих платформ выйдет из строя? Если все выйдут из строя- и они моментально окажутся либо под обломками, либо заключёнными в объятия радиевых частиц? Казалось, Дюссельдорф не был каким-то уж значимым военным, либо гражданским объектам, но после серии взрывов он, как и другие немецкие и не только немецкие города, оказался брошенным. Ненужным пятном на земле. И секунды не прошло прежде, чем он заполучил такой статус. С чего вдруг, "Новая Атлантида" должна стать исключением из правила?

За подобные мысли все, кому не лень- даже унтер-офицер не остался в стороне- окрепчивал его либо пессимистом, если не обладателем депрессии. Тебе стоило бы проведаться к врачу, говорили они. Оливер не обижался на них, вовсе никак не реагировал на такие упрёки. Он попросту был таким же ребёнком, как и все, который бесконечно мечтал об своём утопическом мире, а потом внезапно оказался в суровой реальности. Впрочем, не сказать бы, что эта реальность была и для всех нормой.

В какой-то момент глаза начали понемногу закрываться, организм шаг за шагом отключался. Голова становилась всё тяжелей, пока у Оливера не иссякли силы, и она не заняла ещё большее место на подушке. Вот и наступил долгожданный сон.

3

Эффект от пребывания в бездне оказался до такой степени сильным, что Оливер чуть было не удивился пузатому рюкзаку. Всё необходимое удобно поместилось в его нутре.

Унтер-офицер дал точное время, когда нужно явиться в канцелярию- одиннадцать часов утра. Оливер явился не раньше и не позже. Сама по себе контора представляла собой ту самую регистратуру, которую можно было увидеть в госпиталях. Даже заведующий этим помещением старик некогда(если, конечно, верить его словам)работал там архивоведом. Истории болезней пациентов и остальные их данные; списки приобретённых медикаментов и оборудования- на хранении именно всего этого добра и заключалась роль Пауля(так звали старика).

И вот сейчас он рыскал по шкафам в поисках чистого листа.

- По какой причине вчера был такой гул?- издалека спросил он- даже здесь был отчётливо слышен; даже не смотря на мой ослабевший слух.

- Это Луис и Эдвард развлекались- ответил Оливер.

- С ними?

- Всего четыре штуки было, герр Мюллер.

Мозг мысленно обрисовал морщины, выстроенные в сердитую гримасу; уши уже приготовились услышать очередные оскорбления в из сторону(его хозяину было всё равно, направлены они в его сторону, или в сторону ближайшего окружения- самое главное, что их просто не приятно было слышать).

Вместо этого тот выдал:

- Оливер Штрауссман, не так ли?

- Верно, герр Мюллер.

- Ну тогда, наконец-то, нашёл.

Вот и он. Листок бумаги, размером со страницу карманной книги. Хоть всё его содержание и не удавалось разглядеть, надпись "Отпускной билет" яростно, без какого-либо смущения, выставлялась всему миру. Наконец, он оказывается в руках. Даже запах явно указывает на его свежесть. Оливер просканировал всё содержимое- не считая дороги туда и обратно, срок отдыха составляет две недели. Такие жалкие и такие приятные одновременно.

Оливер направился к выходу из бункера, попутно заскочив в свою комнату, дабы забрать свой рюкзак. Когда до выхода оставалось расстояние вытянутой руки, сердце внезапно защемило, и ноги застыли. Слева от него находилась щель. Оливер посмотрел на тьму. За ней находились наглухо дремавшие Луис, Эдвард и четыре проститутки. При виде их, полностью оголённых, с выставленными напоказ всеми прелестями своего тела, член окаменел. Все они лежали в обнимку с окурками, пустыми бутылками, и бог знает каким остальным мусором. Чем больше они множились перед глазами, тем шанс разбудить и известить двоих уменьшалась и уменьшалась.

- Не переживай- сказал охранник- я им всё передам.

- Спасибо- сказал Оливер, и пошел дальше.

На улице почти всё оставалось неизменным. Разве что компанию несущимся одним за другим барханам и теням некогда красивых домов составило рычание мотора. Вдалеке маячил крупный силуэт вертолёта- единственный вид сообщения между наземным и воздушным городами- мигающий в его сторону светом, словно маяк, показывающий путь попавшему в туман судну.Оливер шагнул в его сторону.

Глава 2

1

История Дюссельдорфа меркнет перед тем, как свой жизненный путь проходила сеть летающих платформ под названием "Новая Атлантида". Та, по своей сути, при своём долгом существовании, никогда не становилась свидетелем эпидемий, войн, восстаний и голода.

Всё началось где-то в первой четверти девятнадцатого века. Технологии, наука, культура, медицина- всё вышеперечисленное сделало уверенный шаг вперёд. Другую сторону медали представляла серия военных кампаний, успешно развязанных и встречающих свой конец победой никем иным, как Наполеоном Бонапартом. Именно страх того, что французский самодержец сможет завоевать весь мир натолкнул немецких, австрийских и британских учёных к способу как-то сохранить свои государства. Всё они приходили к мысли о так называемой "новой стране"; идею того, что его название должно отсылать к легендарном острове-стране, тем самым будто бы подчёркивая грандиозность проекта идеалистической цивилизации тоже все единогласно поддержали. Однако, то, как она должна была выглядеть, как работать и прочие подобные вопросы продолжительное время становились поводом для бесчисленных дискуссий. Во время оных Бонапарт оказался окончательно разгромленным, и когда, растопченный силами остальных европейских держав, был сослан на остров святой Елены, концепция казалась уже никому не актуальной.

Однако, сама история на этом не кончилась. Стоило лишь волне революций прокатиться по всему континенту, вопрос о "безопасном месте" вновь стал актуальным. К этому времени старые учёные либо доживали свои дни в кругу семьи, либо давно покинули этот мир. На их смену пришли новые, уже, помимо Австрии, Германии и Великобритании, из Франции, Испании, Португалии а также Скандинавских стран. Они весьма за короткое время договорились о том, что проект "Новая Атлантида" будет представлять собой сеть летающих платформ, работающих также, как и воздушные шары, на газе. Чтобы на этот раз не забросить столь амбициозный и дорогостоящий проект, учёные создали компанию "Г.А.Б"(эта аббревиатура состоит из первых букв названий государств, с учёных из которых всё и началось), заявленную всему миру как Шли годы. Шли десятилетия. Шли века. Технология всё дорабатывалась и развивалась. Всё новые и новые катастрофы- обе мировые и холодная война, а также последующие за ней региональные конфликты- давали понять, что сама идея подобного убежища будет как никогда уместней и не теряющей свою актуальность. Расширялся список стран участниц. Даже, казалось бы, враждебные социалистические страны, вроде СССР, Кубы, восточноевропейских государств... Несмотря на мировую напряжённость, они не остались в стороне; сколько бы этих смельчаков не клеймили "врагами народа", они прекрасно понимали суть и необходимость, пусть и механического, сделанного усилиями человека, но рая. Национальность; религия; взгляды на политику; какие-то особенности в здоровье; возраст- всё это тоже отходило на второй план. И вот наступает момент, когда судный день уже появляется за проёмом. Всюду хаос: в городах, на границах. "Г.А.Б" уже всю мощь запускает программу "заселения"- то есть эвакуации людей со всего мира в свой воздушный город, в свой рай. Те, кому по какой-то причине удача не улыбнулась, начали тратить все имеющиеся деньги, а с их исчезновением брать кредиты, искать какие-никакие сбережения. И всё это ради бункеров. Ради подземных хранилищ всевозможных человеческих благ. Никто в точности не знает, кто нажал на одну проклятую кнопку. Да и имеет ли значение, что ответственным за Армагеддон могли быть США, Россия, Китай, Северная Корея, или кто-либо ещё? Сначала пал Вашингтон. За ним последовали Пекин, Москва, Пхеньян, Париж. Всё крупные и или значимые в военном, либо же гражд-

данском, значении в секунду оказались стёртыми с лица земли. Многочисленные грибы оказались видными за много километров; порождаемые ими волны многократно огибали землю, снося за собой окна, не очень крепкие конструкции, людей. Все достижения человечества, разрабатываемые за тысячелетия, оказались похороненными в один миг.

Затем, спустя несколько минут, граждане тех стран, что находились близко к Европе, затрубили панику. Помимо угрозы ядерного загрязнения всей планеты, им показалось, что удары оказались настолько сильными, что земля под ногами начала своё столпотворение. Казалось, Столпотворение только набирало силу и вскоре от самой планеты, не то что от человечества, останутся лишь пыль и многочисленные осколки, застрявшие в невесомости. В какой-то момент, кто-то увидел его. Одни посчитали его кракеном; другие окрестили его как "Ктулху". Лишь тогда, когда платформы- сама "Новая Атлантида"- показали всем на виду, всё более менее улеглось. Одна часть человечества спаслась. Другой же, увы, не предстояло жить беззаботной жизнью, как и тогда. Большинство многочисленных подземных, и не очень, общин, чудом уцелевших, сконцентрировались больше на собственном выживании, нежели на кооперации с остальными и восстановлением цивилизации. Наступившие времена напоминали каменный век, но вместо копий и палок- автоматы; вместо животных- уже готовая еда и прочие ресурсы. Наука; философия; верования- всё это отошло на второй план.

2

Какие же красивые дома сотворил бог, говорили люди. Джессике было бы очень интересно, о каком боге идёт речь. Впрочем, даже незначительные постройки, выполненные в стиле мешанины римской и европейской готической архитектуры, вызвали нечто среднее между тоской (по былым временам) и полным духовным удовлетворением. Созерцать их было можно целую вечность, вплоть до старости!

Где-то произошло дребезжание. Джессика переглядывалась то в одну, то в другую сторону. Делала перебаты то налево то направо. Затем взглянула вниз. Видимо, во время сна, она каким-то образом подвигала ногой, и телефон упал на пол. Взяв его, Джессика увидела уведомление. Сообщение. Год назад, когда привычное для людей слово "работа" имел вес, и Джессика занималась тем, что только и делают графические дизайнеры, его могла оставить какая-нибудь очередная подруга, и самого суть послания сводилась только просьбой чем-то прикрыть её отсутствие на работе, или с целью похода по магазинам. Но конкретно это было послано Оливером. "Привет" - гласило одно. "Мне дали отпуск". "Сегодня в двенадцать часов прибуду в город". "К тебе". Джессика долго смотрела на послания, не веря собственным глазам. Стало труднее дышать. Недолго думая, она выскочила из постели и устремилась к выходу из своей комнаты. Лишь когда она схватила ручку, некая сила обхватила всё её тело. Организм весь дрожал от небольшого холода. Джессика взглянула на себя в зеркало, висевшее в прихожей, и застыла. На стене громоздились подобия картин, состоящих из фигур или каких-нибудь одиночных объектов. Однако, не это привлекло внимание девушки. А то, что никакой одежды на ней не было. Бюст и ягодицы слишком яростно выпирались. Так и хотелось спросить у Бога- или природе, или кому либо ещё, -кто обделил её такими особенностями строения, в целом, тела. В районе промежности была необъяснимая грязь. На левой руке было тоже самое. Небольшие усилия принесли плоды. Ночью ей виделся Оливер. Мускулистый, полный энергии. Он приковал её своими крепкими руками, и бодро двигал бёдрами. Это действие оказалось настолько возбуждающим, что Джессика не заметила, как в реальности выпустила слюну на постельное бельё. Теперь понятно, что это за странный запах. Что чувствовать: стыд или душевный покой? Пока она думала, помылась, в потом просушила всё, что только можно. Натянула полностью состоящее из кружев нижнее бельё. За ним джинсы и футболку. Как бы не пыталась, верхняя одежда не смогла хотя бы немного скрыть агрессивную женственность.

Признав собственное поражение, она вспомнила, и начала чувствовать малозначительный кислородный голод. Больше не мешкая, она бегом огибнула лестничную клетку. Воздуха становилось всё меньше и меньше. Скорее, умолял мозг. Беги во двор, иначе сдохнешь. И никакая любовь тебе не поможет. Наконец, она открыла дверь. Ещё немного промаршировала, и остановилась, вдыхая и выдыхая полной грудью. Вот она, свежесть. Недостающая, и именно поэтому очень любимая, свежесть.

Некий звук доносился откуда из, пространства. Это не был раскат грома, не рёв моторов. Спустя время он наконец начал обретать какие-то детали, пусть пока и не удавалось подобрать идеальных слов, чтобы их корректно описать.

Спустя время, крики наконец-то обрели собственную оболочку.

- Сука!- доносилось откуда-то сзади- Паршивая, наглая сука!

То были остальные жильцы этого дома. Окна их жилищ были открытыми, их хозяева прямо грозились сравнять её с землёй. Джессика лишь полувопросительно на них глядела. Никаких извинений (за что ей собственно извиняться?), или ответных оскорблений она не выдавала. Спустя несколько секунд они, раздражённо пожелав ей "гореть в аду", закрывали оконные дверцы, и ушли по своим делам.

Когда это наконец-то случилось, Джессика наконец то обратила внимание на место, на котором сейчас стояла. То был небольшим парком. Фонтан; скамейки; кусты, такие огромные, что прекрасно бы послужили альтернативой железным заборам- всё то, что можно увидеть в каждом парке. Какой-то молодой интеллигент, до этого увлекшийся какому-то чтиву, чуть ли не сразу начал задвигать какую-то огромную речь. Смысл её основывался на сходстве Джессики с древнегреческой богиней Афиной, статуя которой украшала фонтан. Та лишь ограничилась еле слышным "спасибо", что, видимо, не как не оскорбило молодого человека, взгляд которого вновь вернулся к страницам книги.

Взгляд Джессики же гулял по закоулкам, улицам, площадям. Лишь переходы между платформами выглядели, собственно, как переходы между платформами: огромными и угрюмыми туннелями, на другом конце которого всё также был виден блаженный свет. Пустота некуда не уходила. Никакой орнамент, никакие статуи, никакие фасады и прочие архитектурные элементы зданий не смогли заставить его уйти. Тот лишь крепко ухватился руками. Молодые парни поглядывали на неё, девушки же их от этого одёргивали и тут же осыпали оскорбительными словами в сторону обеих. Остальные горожане лишь расходились по своим делам. Джессика продолжала монотонно идти туда, куда глаза глядят. Все мысли занимала предстоящая встреча.

3

В свои молодые годы Уильям Ракши только и делал, что избивал до смерти случайных людей, грабил магазины, разгромлял и портил памятники, нелегально поставлял в Европу запрещённые вещества. Такой букет открыл ему в дорогу сначала психиатрических клиник, а потом тюрем. "Ганнибал"- так его называли. В честь некогда великого Карфагенского полководца, или известного маньяка из книг Томаса Харриса и его экранизаций- этого в точности никто не знал, да и не сказать, что заключённые и охранники стремились к поиску ответа. Как бы то ни было, эта кличка ему пришлась по вкусу. В тюрьме он периодически развязывал драки с охранниками, а стоило лишь вырваться на волю, как через несколько дней вновь оказывался за решёткой, из-за чего он практически всю свою сознательную жизнь провёл в камерах, и лишь четверть- в карцере. Казалось, будто уже шестидесятилетний старик опять что-нибудь такое провернёт, и тогда ему вновь не избежать наказания. Уже поговаривали о возможном заключении в одиночную камеру- как Чарльза Бронсона, и подобные мысли всё ещё мелькали в правоохранительной системе США спустя неделю тишины. Однако, она сохранила за собой право быть и на другую. Потом на третью. Затем последовал месяц, другой, третий. Никто не мог поверить, что он отошёл от дел. Пробили базы- и лишь ещё больше удивились.

- Хотя чему тут удивляться- оправдывался он однажды- Я становился взрослее. С каждым годом рецидив всё отходил на второй план, пока не исчез вовсе. Кроме того, мышцы- всё менее и менее подвижными для подобных бойне действ.

Выяснилось, что, несмотря на драки, в тюрьмах у него возникла и другая зависимость- книги. Если быть более точным, то их обмен на сигареты(только одну Библию он перечитывал по несколько раз). Это действие настолько его увлекло, что в какой-то момент его назначили заведующим тюремной библиотекой- помимо раздачи какой-нибудь классики, протирать пыль с полок и следить за тем, чтобы возвращали "Фауста" Иоганна Вольфганга фон Гёте, например, вовремя(иначе было не миновать узкую комнатку с одним единственным ведром). И именно поэтому, когда он вновь вышел на свободу, он устроился в какую-то книжную лавку. Только и делал что разгружал коробки, и клал брошюры на полку(делал он это бережно; следил за тем, чтобы не один краешек не был задет). За это время, впрочем и все остальные, предшествующие оному, ему так и не удалось найти свою половинку. Однако, не сказать, что он сильно к этому стремился, ведь кому нужен тот, кто большую часть своей сознательной жизни провёл за решёткой? Более того, начал верить в христианство, а чувствовать нахождение Господа разве не является весомым аргументом для того, чтобы провести остаток своей жизни? Когда Армагеддон уже был далеко не за горами, он только что отбил себе место директора этого маленького магазинчика.

Уже мечтал об хорошей жизни.

Джессика всё вопрошала, что заставило её пойти в место, где можно за демократическую цену взять всё, что душа пожелает. Как бы то ни было, она уже оказалась за порогом. Старушка, обнимавшая в кулаке пакет с двумя какими-то произведениями, просканировала её своим хищническим взглядом, отворила дверь и ушла. Только тогда, когда кроме Эйбрахама никого не осталась, она густо покраснела.

- Ты не беспокойся по этому поводу- сказал он издали- истинные христиане ведь так и остаются девственниками. Так зачем же по этому поводу беспокоиться?

- Я не христианка- гневно прошипела она.

- Я- христианин. И ты это знаешь. Потому на этот вопрос я отвечаю полным безразличием.

Хоть это радует. Не придётся выслушивать оскорбления.

- Я могу задать один вопрос?- наконец, спустя паузу, произносит Джессика. Не получив ответа, она продолжила,- Что вас заставляет верить в его существование?

- А есть причины, следуя которым, я должен отринуть Господа нашего?- без всякого осуждения ответил Эйбрахам вопросом на вопрос.- мы ведь в безопасности.

Глава 3

1

С тех пор, как остатки человечества попряталось в помещениях и прочих безопасных местах, миграция не потерпела значимых ожиданий. Один-два человека переходили из одного дома в другой- чтобы строить свою жизнь именно там, чтобы работать по найму, и часть заработанных ресурсов отдавать близким людям, потому что командиры посчитали их или неблагонадёжными крысами, либо врагами народа. Пока деревни в Индии и те, что оказались раскинутыми по всей территории существовавшего когда-то Израиля(в нём, как и в относительно тихие времена крестовых походов, христиане жили бок о бок с мусульманами) встречало странников с распростёртыми объятиями, острова Португалии и "Подземный Стамбул" в Турции категорически отказывались пускать к себе всякую "заразу". Третий тип составляют те места, к которым попросту невозможно подобраться: острова(св. Елены и Океанические), горные поселения(на Гималаях и тибете- одни из самых крупных буддийских притонов), даже Гренландия не осталась в стороне в этом вопросе(стоит сказать больше, это одни из тех редких мест, население и фауна которого практически полностью осталось в целостности и сохранности). Вопрос с иммигрантами никак не коснулся Дюссельдорфа. Всё потому, что никого не интересовал этот город. Хоть он никакого значения не имел, и именно поэтому все жители выжили, а здания хорошо сохранились, его не могло не коснуться огромное количество радиационных частиц. Но даже если не взирая на то, что, по сути, эта территория надолго останется непригодной для проживания, Дюссельдорф посещают лишь только торговцы, где получают одни ресурсы в обмен на другие, и идут дальше. Даже религиозной ценности он не имел. Католики, протестанты, православные- всех их, и не только, у некоторых "смельчаков" так и держалось всё тело в желании высказать своё недовольство. Единственный способ хоть как-то налаживать связь с внешним миром представляла собой кабель и радиосвязь... Так по крайней мере думали одурманенные такими вещами как "глобализация" и "интернет" всё никак не отходящие от них. Остальные понимали, что вышки связи давным давно либо оказались в радиусе взрыва, либо заржавели и падали на землю лишь для того, чтобы разлагаться. Все смешанно реагировали на такой порядок вещей: пока одни сильно грезили об обмене последними новостями(настолько, что даже хотели отправиться в другие места, однако вопрос в том, насколько это целесообразно, всё ещё находится в подвешенном состоянии, и поэтому солдаты всячески отказывают таким героям), другие всё время указывали на то, что места для новых членов их семьи нет. Всё занято, и никто не хотел пускать к себе чужаков, пусть даже и ненадолго.

Луис Циммерман и Эдвард Спенсер разлеглись на крышах разных домов, расположенных по одну и другую сторону дороги- таким образом, чтобы видеть себя. Долгое время они только и делали, что через прицелы снайперских винтовок, созерцали снежный обстрел. Эдвард всё высказывал своё недовольство по этому поводу. Луис и Оливер лишь помалкивали, понимая значимость одной вещи, которое именовалось как "Устав"; Унтер-офицер прямо угрожал ему карцером- вот те развития событий, на которых подобные беседы и заканчивались. Эдвард уже хотел вновь высказать гневное слово, но Луис первым нажал на кнопку в рации.

- Классно было, не так ли?- спросил он.
- Ты о чём?- спросил Эдвард.- Про то, как мы вчера трахали этих красавиц.
- Точно!- Согласись, хорошенькие штучки.
- Это точно. Славно провели время.- с почти нескрываемым удовольствием провозглашает Эдвард, и спустя паузу произносит- Оливер остаётся в не моего понимания.
- Почему?

- Я его неоднократно зову потрахаться. Увы, сколько бы не пытался, он всё отказывался.
- Так у него ведь возлюбленная есть.

- Так и меня она есть. И раз у меня она есть, то, почему, по-твоему мнению, я всё равно позволяю всяким сукам сосать мой член? Почему я не испытываю угрызения совести в тот момент, когда вижу вагину и вхожу туда?

- Всё весьма просто: он верен своей половинке, а ты нет.
- Чепуха. Я свою Лауру люблю очень сильно.
- Если ты любишь её, чё не трахаешь?
- Трахаю я её, трахаю. Но, иногда, меняю партнёра.
- Проститутки?

- Верно. Рано или поздно настанет момент, когда ты устаёшь от своей второй половины, и хочется развеяться. Как бы сильно ты её не любил, это рано или поздно происходит. Секс с другими девушками- вот он, идеальный способ выпустить энергию. Обновиться. Если и она этим помышляет, а я узнаю об этом только сейчас, то я всё пойму и прощу.

- Ну и философия у тебя- язвительно заметил Луис.
- Какая?

- Извращённая.

- Каждый ею следует- констатировал Эдвард- И я не исключение. Это нормально. И вообще, у тебя то самого девушки нет. Так зачем ты мне тут причитаешь?

Луис не ответил.

- Эй, Луис. Я тебе вопрос задал.

Эдвард повернул голову, и увидел, как голова напарника срослась с прицелом. Сколько бы слов не адресовались в его адрес, тело так и не шевельнулось. "Да что он там такого интересного увидел?"- спросил Эдвард, и обратил свой взор на окружающий мир. Снежные хлопья всё падали и закрывали своими телами почву, невзирая на возбудившийся ветер; туман всё стоял на своём, и намертво замер на своём месте. Больше не было ничего.

Однако, Луис продолжал бесконечно созерцать эту пустоту... Или нет? В мозгу внезапно что-то щёлкнуло. Если бы Эдварда прямо сейчас спросили, что натолкнуло на осознания присутствия чего-то, то вряд-ли бы смог ответить. Даже если это очередная колонна верующих, которая никогда не смотрела в сторону города, даже если на самом деле никого не было, и Луис всего-навсего тронулся умом- в любом случае, стоит проверить. Прицел снайперской винтовки не оказался надёжным помощником, чего не скажешь о бинокле. Именно линзы этого прибора, наконец-то, если не полностью, то медленно, шаг за шагом, обнажала причину того упорства, что испытывал Луис. Что именно сейчас и переживал Эдвард. Слишком крупное, чтобы принять его за уцелевшее животное, поначалу идеально сливающиеся с окружением, своим приближением к городу всё больше и больше показывало себя. Что больше всего их так сильно поразило, что ни один из них так и не сообщил Унтер-офицеру по радиии, никто однозначно сказать не мог- сам факт существования нечто, или то, что оно упрямо, невзирая на плохую погоду, приближалось к Дюссельдорфу. Спустя мгновение, всё-таки поборов онемение, Луис доложил Унтер-офицеру всю картину, какой она, по существу, и была. Человек ли это, и если да, то является ли он торговцем, либо верующим; есть ли у него оружие- на эти и другие сущие вопросы ни у кого не было ответа. Унтер-офицер дал добро на проверку неизвестного объекта. Эдвард слез с крыши, и, держа оружие наготове, промаршировал в сторону мглы; Луис остался на месте, для прикрытия.

Увы, сколько бы первый не драл собственную глотку, шторм оказался громче всего на свете. Оставалось лишь вплотную подойти к нему. К какой развязке готовиться вообще? Эдварда это не волновало- весь его взор обращен в туман, а рукам хватит лишь одного гороха, чтобы нажать на спусковой крючок, и поразить насмерть(но кого?).

Однажды Оливер высказал такую мысль: "Даже если какое-то событие уже случилось, до не нужно допускать мысли, что оно могло произойти по другому. Неважно, в хорошую, или противоположную ей сторону. Особенно, не стоит тратить свои ментальные силы на плохой исход событий, поскольку это действие очень неприятно влияет на наше естество". Что тогда, что и сейчас, Эдвард посылал этот монолог куда подальше. Если бы передо мной был бандит, то от меня бы только труп и остался, проговаривал он про себя. Чего не скажешь о торговце. Так он и проворачивал бы по несколько раз если бы, помимо воя погоды, он не слышал чего-то ещё. Каких-то криков. Лишь спустя время Эдвард понял- кричит перед ним тот, кто находился в нескольких дюймах. Незнакомец стоял твёрдо, но сторбился; все дальнейшие попытки его описать оказывались провальными из-за одеяния(какого-то гибрида платья и пальто) и маски. Спустя другое нечленораздельные, казалось бы, звуки обрели свою ясность.

- Прошу, помогите мне!- умолял старческий голос.

- Кто вы?!- протирал Эдвард.

Старик не расслышал, и подошёл ближе. Эдвард всё приказывал ему стоять на месте, и лишь стоило выстрелить в воздух, как тот, обратя руки свои к небу, припал к земле.

- Я же говорил тебе стоять на месте!- прошипел Эдвард.

- Умоляю, простите меня- дрожащим голосом умолял старик.

- Прощу, если ты ответишь на вопросы-рация внезапно затрещала. Эдвард доложил всё как есть Луису, тот выругался, после чего продолжил - Кто ты?

- Меня зовут Густав. Густав Альбрехт фон Остерман. Я католик.- Зачем ты сюда пришёл?

- Моё поселение было самым гнилым на этом свете.

- То есть, полуразрушенным? Небезопасным для проживания? Или вы чем-то не угодили военным? Вы вообще откуда?

- Когда Армагеддон случился, я вместе с другими слугами божьими обосновались в пещерах Альп. Однако солдаты забыли самого Господа, нас, христиан, начали гонять и уничтожать духовно, и я, в какой-то момент, просто покинул это прибежище грешников. Я шёл бессчётное количество дней среди разрушенных городов и опустевших лесов, искал пропитание где угодно, лишь бы оно было. И вот, мы стоим позади убежища. Я вас только об одном прошу, простите меня. Взамен буду служить верой и правдой. Клянусь богом!

Эдвард передал Луису, а тот- Унтер-офицеру. Густав продолжал стоять на коленях и умолять принять себя, блудного сына. Эдвард обвёл глазами мир. Сейчас вокруг, кроме них, никого не было видно в горизонте. И спустя несколько секунд. И даже спустя минуту не раздался рёв мотора- транспорта возможных рейдеров. Это значит, что старик не представляет из себя опасность? С другой стороны, является ли это поводом впускать его? Пока ждал ответа, Эдвард, не взирая на рыдающего старика, посмотрел вниз, на землю. Когда-то давно здесь наверняка умирала и воскрешала несколько раз зелёная, маленькая трава, где бегали различные насекомые. Сейчас же под слоем снега расположилось мертвое подобие некогда могучей земли. Эдвард вздохнул. Всё в порядке, думал он, пройдет время и всё станет как прежде.

Наконец послышался долгожданный треск. Эдвард поднёс рацию близко к уху(то есть, к той части шлема, за которым оно и спрятано). Луис передал приказ о разрешении старика впустить в своё убежище. Очевидно, не просто так, однако их обоих это уже не касалось. Главное- доставить его.

Эдвард закинул винтовку за спину, старик поднялся и они вместе пошли прямо к домам, прямо к Луису, прямо к Ноевому ковчегу.

2

Что во время очистки, что во время провожания Густава в комнату допроса жители своих комнат с недоверием поглядывали на пришельца. Тот не пытался как-то увернуться от множества глаз, не говорил им, что он- сын божий. Всю дорогу он лишь молчал и без всякого осуждения смотрел на окружающих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.